

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

X7
5183

WIDENER

HN HXR5 -

Harvard College Library

FROM THE BRIGHT LEGACY

One half the income from this Legacy, which was received in 1880 under the will of

JONATHAN BROWN BRIGHT

of Waltham, Massachusetts, is to be expended for books for the College Library. The other half of the income is devoted to scholarships in Harvard University for the benefit of descendants of

HENRY BRIGHT, JR.,

who died at Watertown, Massachusetts, in 1686. In the absence of such descendants, other persons are eligible to the scholarships. The will requires that this announcement shall be made in every book added to the Library under its provisions.

Harvard College Library

FROM THE BRIGHT LEGACY

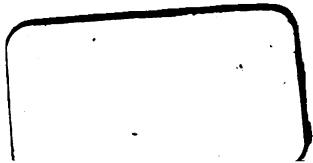
One half the income from this Legacy, which was received in 1880 under the will of

JONATHAN BROWN BRIGHT

of Waltham, Massachusetts, is to be expended for books for the College Library. The other half of the income is devoted to scholarships in Harvard University for the benefit of descendants of

HENRY BRIGHT, JR.,

who died at Watertown, Massachusetts, in 1686. In the absence of such descendants, other persons are eligible to the scholarships. The will requires that this announcement shall be made in every book added to the Library under its provisions.

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
„Биржевыхъ Вѣдомостей“**

Выпускъ 48-й.

Народничество.

Очеркъ

Н. Д. Поскова.

подъ редакціей
проф. **Кв. Кв. Кванюкова.**

**Безплатное приложеніе
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“
второе изданіе.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издательствѣ С. М. Проппера, Галерная ул., с. д., № 40.

1906.

Digitized by Google

XP 5183

←

Bright tel.

I.

Эпоха шестидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія явилась эпохой обновленія Россіи.

Крѣпостное государство готовилось сбросить съ себя нуты рабства; закрѣпощенная государствомъ личность громко требовала свободы.

Крестьянскій вопросъ волновалъ передовые умы, заставлялъ биться усиленнѣе лучшія сердца.

Для крестьянъ необходима была не только воля, но и воля съ землей.

Женщина, забитая и закрѣпощенная раба русскаго вѣкового уклада, обращала все больше и больше вниманія своей горемычной долей. Подъ знаменемъ ея свободы и равноправія собиралось все больше борцовъ.

Три „кита“, на которыхъ покоились устои всей бывшей русской жизни, шатались подъ напоромъ западно-европейскихъ идей. Прошлое, позорное, жестокое, грубое предавалось бичу сатиры; надъ нимъ, казалось, воздвигался уже могильный холмъ и ставился крестъ— символъ забвенія. Съ кладбища прошедшаго мечты передовыхъ русскихъ людей летѣли къ ясному, прекрасному будущему, гдѣ право противоставляется произволу, самодержавіе — гарантіи, т. е. конституціи (Добролюбовъ); официальная чиновничья Россія отдавалась подъ судъ (Герценъ), сатирическій бичъ обличительной литературы хлесталъ по спинамъ

еще вчера дѣйствовавшихъ безъ помѣхи въ застѣнкахъ палачей.

Общественная волна росла, ширилась и принимала небывалые еще до сей поры размеры. Правительство, на пепелищѣ севастопольскихъ руинъ, казалось, готово было идти на уступки обществу и манило обѣщаніемъ реформъ. Жизнь всколыхнулась, закипѣла, заиграла всѣми цвѣтами радуги. Только „крѣпостники“ еще силились связать оборвавшуюся нить историческихъ традицій, делѣя мысль о возвращеніи назадъ, домой, въ тѣ авгіевы конюшни, которыя теперь были распахнуты, настезь и провѣтрялись, чтобы вновь закрыться до новой чистки.

Освобожденіе личности явилось боевымъ лозунгомъ времени.

Наступала эпоха той великой ломки, которая всегда предшествуетъ великому созданію. На развалинахъ старой официальной Россіи создавалась изъ пепла, подобно Фениксу, новая, молодая Россія, просвѣтленная и преобразованная. Мрачныя тѣни прошлаго еще рѣяли надъ нею.

Дѣйствительность патріархальнаго строя еще рѣзала глаза, но часъ паденія этого строя казался уже близкимъ. Труба уже звучала, и стѣны древняго Іерихона должны были рано или поздно пасть. Дѣятели великой эпохи давно уже извѣрились въ чудеса. Все прошлое официальной Россіи, проведенное роковую грань между правительствомъ и обществомъ, отучило вѣрить во что бы то ни было. И вѣра смѣнялась отрицаніемъ, прежній покой—замѣнялся борьбой. Подымалась могучая волна нигилизма съ его всеотрицаніемъ вообще и отрицаніемъ идей прошлаго, признанныхъ и взлелѣянныхъ русскою дѣйствительностью, въ частности.

Покойный Страховъ—этотъ ожесточенный ратоборецъ противъ нигилизма—дастъ, однако, этому теченію русской жизни такую, въ высшей степени важную одѣнку: „Отрицаніе ниги-

лизма—это его здоровая и правильная черта. Все, что может служить опорой для отрицанія, все, что даетъ отрицанію разумность и право,—все это идетъ впрокъ нигилизму, составляетъ его законную пищу, законный источникъ. Безобразія, которыми переполнена русская жизнь, являются распространенною и общедоступною пищею отрицанія. Эта здоровая сторона нигилизма никогда не должна быть упускаема изъ виду. („Борьба съ Западомъ“) „природа не храмъ, а мастерская, и человекъ въ ней работникъ“ — заявлялъ Тургеневскій Базаровъ. „Я,—говоритъ тотъ же Базаровъ,—буду готовъ согласиться съ вами, когда вы представите хоть одно установленіе въ современномъ нашемъ быту, семейномъ или общественномъ, которое не вызвало бы полного и безпощаднаго отрицанія“.

На вопросъ: что дѣлаютъ современные представители его лагеря?—Базаровъ ясно отвѣчаетъ: „Прежде, въ недавнее еще время, мы говорили, что чиновники наши берутъ взятки, что у насъ нѣтъ ни дорогъ, ни торговли, ни правильнаго суда... А потомъ мы догадались, что болтать, все только болтать о нашихъ язвахъ не стоитъ труда, что это ведетъ только къ пошлости и доктринерству; мы увидѣли, что такъ называемые передовые люди и обличители нкуда не годятся, что мы занимаемся вздоромъ, толкуемъ о какомъ-то искусствѣ, безсознательномъ творчествѣ; о парламентаризмѣ, объ адвокатурѣ и чортъ знаетъ о чемъ, когда дѣло идетъ о насущномъ хлѣбѣ, когда насъ душитъ грубѣйшее суевѣріе“.

Дѣйствительно, на этомъ суевѣрно покоилась вся русская жизнь.

Идеей жизни объявляется трудъ, соответствующій призванію человека. „Только тотъ, кто трудится, имѣетъ право на существованіе.“

Паразитизмъ общественный долженъ быть уничтоженъ въ корнѣ своемъ, а паразиты наказаны презрѣніемъ и лишены возможности жить“.

Это звучало ново.

„Въ крѣпостной Россіи знали не трудъ, а лишь службу, каторгу, повинность, барщину“.
(Е. Соловьевъ (Андреевичъ) „Опытъ философіи русской литературы“.)

Волна нигилизма, какъ одного изъ умственныхъ теченій русскаго общества, однако, уже къ концу шестидесятихъ годовъ замѣтно начинала ослабѣвать. Нигилизмъ дошелъ до своего „тупика“. Онъ докатился до грубаго нравственнаго матеріализма и упалъ въ его пропасть...

На смѣну уже шла иная могучая волна. То было **народничество**, окрасившее въ особый цвѣтъ всю эпоху семидесятихъ годовъ русской жизни. „Русскій социализмъ“ и русское народничество уживались пока еще наряду съ нигилизмомъ. Освобожденіе личности явилось побѣдой нигилизма. Въ жизни темной массы забитаго, полуголоднаго народа уже Чернышевскій, этотъ „духовный отецъ“ народниковъ, видитъ особые уклады, которые могутъ послужить основаніемъ для грядущаго „царства здѣсь на землѣ“.

Этими укладами были: крестьянская община и близкій къ коммунистическому взгляду народа на земельную собственность.

„Дайте намъ,—писалъ Чернышевскій,—такой бытъ, въ которомъ каждый человѣкъ могъ бы занимать положеніе поселянина, собственника или другое положеніе, равнозначительное ему, въ которомъ каждый человѣкъ могъ бы работать дѣйствительно въ свою пользу“.
Чернышевскій отрицаетъ капиталистическое хозяйство. Спасеніе Россіи, программа ея будущаго рисуется Чернышевскому въ **земледѣльческомъ социализмѣ**.

Онъ далекъ отъ идеализаціи мужика, котораго еще Герценъ объявилъ „человѣкомъ

будущаго въ Россіи“. Чернышевскій только вѣрить въ общину, какъ въ здоровый укладъ народной жизни. „Русскій народъ въ устояхъ своей жизни—писаль Герценъ,—въ голосѣ своей совѣсти социалистъ и коммунистъ по преимуществу“.

Вѣра въ общину Герцена была глубокая, искренняя. „Община, по его убѣжденію, спасла русскій народъ отъ монгольскаго варварства и канцелярской цивилизаціи, отъ выкрашенныхъ по-европейски помѣщиковъ и отъ нѣмецкой бюрократіи. Общинная организація, хоть и сильно потрясенная, устояла противъ вмѣшательства власти; она благополучно выросла до развитія социализма въ Европѣ“. Это было писано еще въ пятидесятыхъ годахъ, но до признанія этого за истину понадобился долгій путь: отъ отрицанія къ вѣрѣ.

Вѣра въ силы народа возсіяла съ новой силой. Въ служеніи ему видитъ подвигъ жизни Рахметовъ *). Рахметовъ—герой уже новой полосы. Предъ нимъ уже дымится жертвеннымъ огнемъ алтарь невѣдомаго еще, но уже предчувствуемаго бога, котораго онъ назоветъ своимъ Богомъ, за святую его онъ пойдетъ на борьбу, на страданье, ибо въ немъ найдетъ высшую правду жизни.

Темная масса народная, еще вчера лежавшая придавленной пятою помѣщика, сегодня просвѣтляется и очищается предъ духовными очами уже кающагося дворянина. Дворянинъ Рахметовъ прозрѣваетъ, а проснувшаяся совѣсть диктуетъ ему властно, что онъ—неоплатный должникъ предъ этимъ страдальцемъ-народомъ. У этого народа герой новаго времени семидесятыхъ годовъ и пойдетъ искать искупленія грѣховъ своихъ предковъ.

*) Герой романа „Что дѣлать?“

II.

Если до сихъ поръ русскіе „западники“ спасеніе Россіи объявляли въ воспринятіи идей Европы, въ знакомствѣ съ нею—теперь вновь выплываютъ славянофильскія идеи о нашемъ русскомъ особомъ, отличномъ отъ Запада, пути.

Такая точка зрѣнія уже ясно проглядываетъ и въ извѣстной прокламаціи „русскаго соціалиста“ М. И. Михайлова, выпущенной въ 1861 году подъ названіемъ „Къ молодому поколѣнію“. Это—одна изъ самымъ обширныхъ русскихъ прокламацій, авторъ которой въ эпоху усиленнаго либерализма, въ разгаръ „великихъ реформъ“ русскаго правительства поплатился только за свои убѣжденія ссылкой въ Сибирь и каторжными работами на двѣнадцать лѣтъ.

Михайловъ былъ обвиненъ въ превратномъ истолкованіи и порицаніи дѣйствій правительства, въ угрозахъ о ниспроверженіи его и Императорской Власти и возбужденіи не свойственныхъ, будто бы, русскому народу соціальныхъ стремленій.

Михайлова обвиняли въ принадлежности къ народной партіи, которая, по словамъ обвинительнаго акта, „не желаетъ для Россіи ни аристократизма Европы, ни ея государственнаго начала, ни ея императорской власти, и не только смѣло идетъ навстрѣчу революціи, но и даже желаетъ ея.“ Далѣе Михайловъ обвинялся въ поношеніи, презрѣніи и ненависти ко всему дворянскому сословію, въ желаніи, что бы не существовало вовсе привилегированныхъ сословій, а были бы всѣ уравнены передъ закономъ, и чтобы земля принадлежала не лицамъ, а странѣ“.

Авторъ воззванія, дѣйствительно, объявлялъ себя народникомъ съ славянофильской окраской. Онъ предвидѣлъ иной путь, по которому пойдетъ русская революція, иной крестъ, ко-

торый должны понести русскіе революціонеры.

Примѣръ Европы, по мнѣнію Михайлова, совсѣмъ не убѣдителенъ для Россіи. „Мы не только можемъ, мы должны прійти къ другому“,—писалъ онъ въ своей прокламаціи. (См. „Былое“, январь, ст. Лемке, стр. 117). „Въ нашей жизни лежатъ начала, вовсе неизвѣстныя европейцамъ. Нѣмцы увѣряють, что мы придемъ къ тому же, къ чему пришла Европа. Это—ложь. Мы можемъ точно прійти, если надѣнемъ на себя петлю европейскихъ учрежденій и ея экономическихъ порядковъ; но мы можемъ прійти и къ другому, если разовьемъ тѣ начала, какія живутъ въ народѣ. Европа сложилась изъ остатковъ древняго міра; тысячу лѣтъ назадъ въ Европѣ была монархія; ужъ тогда Европа разбилась на могучихъ собственниковъ и на безсильныхъ рабовъ, не имѣвшихъ земельной собственности; уже тогда было положено въ ней начало того экономического и политическаго неравенства, которое привело къ пролетаріату, и вызвало социализмъ.

„Мы—народъ запоздалый, и въ этомъ наше спасеніе. Мы должны благословить судьбу, что не жили жизнью Европы. Ея несчастья, ея безвыходное положеніе—урокъ для насъ. Мы не хотимъ ея пролетаріата, ея аристократизма, ея государственнаго начала и ея императорской власти.

„До сихъ поръ народъ нашъ жилъ своей жизнью, не мѣшаясь въ дѣла правительства и не понимая ихъ, и онъ былъ правъ. Правительство тоже не знало народа, да ему и было некогда за политическими бирюльками. А между тѣмъ, русская мысль зрѣла; мы изучали экономическое и политическое устройство Европы; мы увидѣли, что у нихъ неладно, и тутъ то мы поняли, что имѣемъ полнѣйшую возможность избѣгнуть жалкой участи Европы настоящаго времени.

„Мы похожи на новыхъ поселенцевъ; намъ

ломать нечего. Оставьте наше народное поле въ покоѣ, какъ оно есть, но намъ нужно выхолотъ ту негодную траву, которая выросла изъ сѣмянъ, налетѣвшихъ къ намъ съ нѣмецкими идеями объ экономизмѣ и государствѣ". („Былое“, январь).

Однако, „полотъ“ было еще рано: всходы новой полосы едва всходили. За „полотье“ принялось само правительство, установивъ свою прежнюю точку зрѣнія на государственнѣй вредъ и пользу.

Разрушеніе стараго еще не было закончено, когда правительство, повернувшееся лицомъ къ реакціи, занялось возстановленіемъ полуразрушеннаго, задылкой бреши, образовавшейся въ вѣковой стѣнѣ.

Запуганное привраками анархіи и революціи правительство поворачивало руль на прежній путь. Началась ловля „неблагонадежныхъ элементовъ“. Опытные ловцы въ синихъ мундирахъ уже правили паруса и крѣпили мачту своего броненосца, побѣдно подымали флагъ надъ крышей 3-го отдѣленія.

Процессы Михайлова и Чернышевскаго раскрывали истинныя намѣренія правительства. Возстаніе въ Польшѣ и его побѣдное усмиреніе окончательно закрѣпили торжество реакціи.

Молодая и старая Россія,—Россія будущаго и прошлаго—встрѣтились лицомъ къ лицу. „Тупая сила влобы гнала вонъ изъ братскаго кружка въ снѣжные сугробы, въ тьму и холодъ рудника молодыхъ борцовъ“. Въ кандалахъ въ Сибирь прослѣдовалъ М. И. Михайловъ (талантливый поэтъ и лучший переводчикъ Гейне), за нимъ увезли Чернышевскаго.

Михайловъ явился первымъ политическимъ ссыльнымъ въ царствованіе Александра II. Обыскъ, сдѣланный у Михайлова жандармами, не далъ ничего, тѣмъ не менѣе, „подозрѣваемый“ въ авторствѣ и распространеніи прокламаціи (къ молодому поколѣнію) Михайловъ

былъ арестованъ. Единственной уликой противъ него явилось перехваченное письмо В. Костомарова къ гр. Ростовцеву (сыну известнаго Я. И. Р.), въ которомъ Костомаровъ извѣщалъ о своемъ арестѣ, прося разыскать „М. Мих.“ и предупредить его, чтобы онъ принялъ всѣ мѣры къ уничтоженію „М. П.“ (т. е. прокламаціи къ „молодому поколѣнію“). По предъявленіи этого письма М. И., послѣдній съелъ „противнымъ совѣсти скрывать долѣе истину“.

Онъ призналъ за собою авторство не всей прокламаціи, напечатанной Герценомъ въ Лондонѣ, а только части ея; призналъ, что послѣ своей заграничной поѣздки онъ привезъ въ Петербургъ экземпляры прокламаціи; призналъ также себя виновнымъ въ распространеніи по Петербургу „Обращенія къ молодому поколѣнію“.

„Не скрою,—говорилъ Михайловъ въ своемъ письменномъ признаніи—что выйти изъ сферы моей обычной скромной дѣятельности заставила меня горькая боль сердца при вѣсти о печальныхъ случаяхъ усмиренія крестьянъ военной силой, и опасенія, что эти случаи могутъ долго еще повторяться въ будущемъ. Невозможность прочнаго примиренія враждебныхъ партій и интересовъ безъ печатной гласности поддерживаетъ во мнѣ и теперь эти печальные опасенія. Они тѣмъ сильнѣе, что въ нихъ участвуетъ не одна моя мысль, но и самое сердце. Покойный отецъ мой происходитъ изъ крѣпостнаго состоянія, и семейное преданіе глубоко запечатлѣло въ моей памяти кровавыя событія, мѣстомъ которыхъ была его родина. По безпримѣрной несправедливости, село, гдѣ онъ родился, было вначалѣ нынѣшняго столѣтія подвержено всѣмъ ужасамъ военнаго усмиренія. Разказы о нихъ пугали меня еще въ дѣтствѣ. Дѣдъ мой былъ тоже жертвой несправедливости: онъ умеръ, не вынеся позора отъ назначеннаго ему незаслуженнаго тѣлеснаго наказанія. Такія воспоминанія

панія не истребляются изъ сердца“ („Былое“, январь, стр. 109).

Михайловъ былъ переведенъ въ Петропавловскую крѣпость, но въ ея казематахъ онъ не былъ одинокъ: они были уже наполнены студенческой молодежью.

Судъ надъ Михайловымъ происходилъ въ сенатѣ.

Сенатъ призналъ подсудимаго виновнымъ въ распространеніи „злумышленного сочиненія, въ составленіи коего онъ принималъ участіе и которое имѣло цѣлью возбудить бунтъ противъ Верховной Власти, для потрясенія основныхъ учрежденій государства, но осталось безъ послѣдствій“. Приговоромъ сената М. И. Михайловъ лишился всѣхъ правъ состоянія и сосланъ въ каторжную работу въ рудникахъ на двѣнадцать лѣтъ и шесть мѣсяцевъ, по отбытіи срока которыхъ М. И. долженъ быть поселенъ „въ Сибири навсегда“. Резолюціей Государя срокъ каторжныхъ работъ былъ сокращенъ до шести лѣтъ.

Отправленію въ Сибирь Михайлова предшествовалъ грубый обрядъ публичнаго объявленія приговора на площади. Въ арестантской одеждѣ, закованный въ кандалы, Михайловъ долженъ былъ взойти на эшафотъ, чтобы оттуда прямо съ его ступеней отправиться въ нѣдра Сибири. Все это происходило 14 декабря 1861 года, т. е. въ самый разгаръ „великихъ реформъ“, а черезъ годъ той же участи подвергся другой замѣчательный русскій человѣкъ—Н. Г. Чернышевскій.

III.

Дѣло объ отставномъ титулярномъ совѣтникѣ Николаѣ Гавриловичѣ Чернышевскомъ началось въ іюль 1862 года.

Согласно російскимъ порядкамъ, начало „возникновенія“ дѣла было обычное: въ квартиру Чернышевскаго явились полиція и жан-

дармы и, произведя обыскъ, увезли хозяина квартиры въ особой каретѣ въ Петропавловскую крѣпость.

Съ 7 іюля 1862 г. по 19 мая 1864 г. (день приведенія въ исполненіе приговора сената), т. е. почти въ теченіе двухъ лѣтъ, Чернышевскій, въ качествѣ подсѣдственнаго, тщетно ожидалъ суда.

По тѣмъ же россійскимъ обычаямъ, въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ Чернышевскому пришлось томиться въ крѣпости, въ ожиданіи предьявленія обвиненія.

Предьявить послѣднее сразу было невозможно, ибо прежде всего необходимо было измыслить такое обвиненіе. Жандармерія послѣ безуспѣшныхъ поисковъ принялась за фабрикацію инкриминирующихъ русскаго писателя документовъ и розыскъ лжесвидѣтелей.

Чернышевскаго пока оставили въ покоѣ; за тюремной рѣшеткой русскому писателю любезно разрѣшили заниматься своимъ дѣломъ.

Въ третьемъ отдѣленіи также заработали особенно усердно.

Тамъ уже давно была заведена особая синяя обложка съ бѣлымъ ярлыкомъ и надписью: „Дѣло отставнаго титулярнаго совѣтника Николая Гавриловича Чернышевскаго“. Но обложка была долгое время пуста. 3-е отдѣленіе долгое время тщетно вело облаву на арестованнаго писателя.

Обыскъ не далъ ничего важнаго. Главнымъ поводомъ къ обыску и аресту Н. Г. послужило перехваченное письмо Герцена къ Сергѣю Соловьеву, гдѣ значилось: „Мы готовы издавать „Современникъ“ (онъ былъ только-что приостановленъ), здѣсь съ Чернышевскимъ или въ Женевѣ. Печатать объявленія объ этомъ? Какъ вы думаете?“

Всего этого отобраннаго матеріала, однако, было мало для обвиненія. Создать же его было необходимо.

Тогда третье отдѣленіе подыскало двухъ

двѣ свидѣтелей и одинъ подложный документъ.

На основаніи такого матеріала, „главъ партіи либеральныхъ литераторовъ“ было заранѣе уготовано мѣсто въ рудникахъ Сибири.

Отставной корнетъ Всеволодъ Костомаровъ, посредственный поэтъ - переводчикъ *), — приговоренный по дѣлу о тайномъ печатаніи противоправительственныхъ изданій къ заключенію въ крѣпости и солдатчинѣ, и его „переносчикъ“, мѣщанинъ Яковлевъ, явились послушными орудіями въ рукахъ третьяго отдѣленія.

Тотъ же Всеволодъ Костомаровъ сфабриковалъ знаменитое „бордеро“, подобно Іудѣ-предателю, за тридцать серебрянниковъ, перейдя изъ стана недовольныхъ существующимъ порядкомъ въ покорнаго слугу сыщиковъ. Разжадованный въ солдаты, Костомаровъ задумалъ купить собственное спасеніе цѣною гибели другихъ.

Цѣною предательства онъ получилъ освобожденіе отъ Петропавловки, клятвой въ вѣрности онъ купилъ у своихъ палачей свободу и, какъ песъ, покорно лизалъ руки своихъ недавнихъ тюремщиковъ.

Въ своемъ отнынѣ знаменитомъ письмѣ на имя какого-то Соколова („С.-Петербургъ, до востребованія“), письмѣ, написанномъ если не подъ диктовку жандармовъ, то по настоянію послѣднихъ, Костомаровъ, отрекаясь отъ прошлыхъ „увлеченій“, создавалъ доносы на литературу, вообще, и на Чернышевскаго, въ частности.

Въ этомъ письмѣ Костомаровъ подробно передаетъ фантастическую повѣсть о своемъ первомъ визитѣ къ Чернышевскому. На первомъ свиданіи, по словамъ Костомарова, происходило чтеніе воззванія къ барскимъ крестьянамъ — прокламація, которую, якобы,

*) Племянникъ извѣстнаго историка, Ц. А. Костомарова.

Чернышевскій просилъ отпечатать Костомарова на ручномъ станкѣ въ подпольной типографіи. Авторомъ прокламаціи Костомаровымъ названъ Чернышевскій.

Изъ бумагъ того же Костомарова, какимъ-то чудомъ, послѣ суда, по прибытіи изъ Москвы, оказавшагося не въ Петропавловкѣ, а въ апартаментяхъ 3-го отдѣленія, были извлечены (спустя довольно продолжительное время послѣ его ареста и суда) два письма Чернышевскаго. Оба письма не содержали въ себѣ ничего особеннаго. Въмѣстѣ съ письмами къ дѣлу былъ приобщенъ и небольшой листокъ бумаги. На одной сторонѣ его рукой Костомарова были нарисованы какіе-то стихи, на другой почеркомъ, схожимъ съ почеркомъ Чернышевскаго, изображено: „В. Д. (т. е. Всеволодъ Дмитріевичъ). Въмѣсто „срочно обязанъ“ (какъ это, по непростительной оплошности, поставлено у меня) набирайте вездѣ „временно обязанъ“, какъ это называется въ положеніи.

Вашъ Ч.“

Этого, однако, считалось вполне достаточнымъ, чтобы дѣло въ синей обложкѣ получило движеніе, и обвинители Чернышевскаго могли построить обвиненіе....

Напрасно Чернышевскій просилъ о вызовѣ экспертовъ, о разрѣшеніи прибѣгнуть къ выработаннымъ наукой для распознаванія почерковъ средствамъ—въ этомъ ему было отказано. Гибель его была нужна, и она уже была давно предрѣшена. Характерно, что „соучастникъ“ Чернышевскаго, Плещеевъ, оставался все время на свободѣ, а „письму“ Чернышевскаго придали значеніе только въ части, касающейся одного Н. Г.

Судебное разбирательство при такихъ условіяхъ сводилось лишь къ жалкой комедіи—насмѣшка надъ правосудіемъ.

Сенатъ нашель Н. Г. виновнымъ въ сочиненіи возмутительнаго воззванія къ „барскимъ крестьянамъ“, переданнаго Костомарову /

напечатанія, съ цѣлью распространенія и въ приготовленіи къ возмущенію (подложное письмо къ Плещееву).

Такимъ образомъ, за „злоумышленіе къ испроверженію существующаго порядка“ и прочія „преступленія“, поименованныя выше, сенатъ вынесъ приговоръ: „отставного титулярнаго совѣтника Николая Чернышевскаго, 35 лѣтъ, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на 14 лѣтъ и затѣмъ поселить въ Сибири навсегда“.

Срокъ каторжныхъ работъ Чернышевскому, по Высочайшему повелѣнію, былъ сокращенъ наполовину. Процессъ Чернышевскаго—прототипъ грядущихъ политическихъ процессовъ.

Для характеристики „либеральнаго направленія правительства“, только-что завершившаго освобожденіе крестьянъ, достаточно указать на его полную нетерпимость къ мнѣніямъ „обывателей“. Поручикъ гвардіи В. А. Обручевъ за распространеніе листка „Великороссъ“, гдѣ, между прочимъ, былъ напечатанъ проектъ адреса Государю о созывѣ народныхъ представителей для составленія русской конституціи, былъ осужденъ на три года въ каторжные работы. (См. „Матеріалы для исторіи революц. движенія въ Россіи въ 60 году“. Вып. 1-й). За рѣчь объ истинномъ современномъ значеніи тысячелѣтія Россіи, проф. Павловъ ссылается въ Ветлугу. Мѣщанинъ Мартяновъ, за напечатаніе письма къ Александру II въ „Колоколѣ“ за полной своей подписью, осужденъ въ каторгу на пять лѣтъ, между тѣмъ какъ вся вина Мартянова состояла въ томъ, что онъ глубоко вѣрилъ „въ земскаго царя“.

Недовольство среди сознательныхъ элементовъ громко заявляло о мечтахъ и надеждахъ лучшихъ русскихъ людей на лучшее будущее, на конецъ деспотизма.

Вмѣсто желанныхъ реформъ, правительство испуганно пятилось назадъ и занималось „вырываніемъ крамолы“.

IV.

Реакціонное теченіе все усиливается. Начинается испытанная давно система подтягиванья и заушенья „обывательскаго существованія“.

Правительство желало быть сильнымъ и подавить „крамолу“. Всѣ давно испытанныя прежнія средства пускаются въ ходъ, но наряду съ этимъ, со стороны до сихъ поръ всегда покорнаго російскаго „гражданина“ то же правительство встрѣчаетъ небывалый еще отпоръ.

Гасильники духа вызываютъ протестъ въ наиболѣе чуткой молодежи. Она уже воспитана на иной ладъ, стремится къ своему идеалу. Официально предуказанный путь ее не удовлетворяетъ. Она ищетъ своихъ путей. Ищетъ и находитъ, и неизбежно, силою вещей, встаетъ въ явную оппозицію реакціонному правительству. Оппозиція эта не велика численностью, но сильна духомъ и вѣрою. Штыкъ ополчается на идею. Онъ одерживаетъ за побѣдой побѣду, но всѣ онѣ по конечнымъ результатамъ равняются своего рода Пирровой побѣдѣ.

Горсточка русской интеллигенціи подымаетъ свое знамя, объявляетъ своимъ боевымъ лозунгомъ: „въ народъ!“

Народническое теченіе въ началѣ семидесятыхъ годовъ уже вполне опредѣлилось. Народничествомъ были окрашены первые шаги социализма въ Россіи въ сороковыхъ годахъ; въ пятидесятыхъ годахъ, заглушенное волной нигилизма и реализма, оно, пройдя сквозь ихъ горнило, въ шестидесятыхъ уже вылилось въ опредѣленную форму. Это была идеализація народа, жажда подвига во имя народа и за народъ.

Прекрасно характеризуетъ вѣяніе времени Салтыковъ-Щедринъ:

... „Шли къ мужику, раздавали свое имѣніе, надѣясь обновить себя, успокоить встрѣ-

женную совѣсть, отрѣшиться отъ „проклятаго“ барства, а потомъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше, тѣмъ напряженнѣе шли къ мужику осуществить идеаль крестьянскаго царства. На мужика надѣялись, его идеализировали, считали его носителемъ не только „зоологической правды“ — правды, выработанной властью земли и вѣками общинной жизни, но правоты вообще, способной обезпечить счастье всѣхъ. Но мужикъ спалъ и спалъ глубоко въ какой-то одури отъ своего труда и заботъ. Въ то время, какъ интеллигенція шла къ нему со своей мечтой о возрожденіи человѣчества, онъ былъ еще въ эпохѣ Дажь-Бога и молился аялидуевой женѣ, безъ мысли о собственномъ достоинствѣ, собственныхъ правахъ, забитый и заколоченный тяготой недоимокъ, весь — продуктъ и порожденіе крѣпостнаго права“.

Русская интеллигенція шла къ народу и въ народъ. Она вѣрила, что пришелъ часъ ея расплаты съ народомъ, отдачи ему своего вѣкового долга.

Служеніе народу объявляется единственно вѣрной задачей времени.

Высокій идеализмъ сороковыхъ годовъ, ихъ „прекраснодушіе“ возвращается вновь въ семидесятые годы. Создается, на смѣну отрицанія во имя доводовъ разума, религія сердца. Ея первымъ догматомъ было счастье народа, ея альфой и омегой подвигъ и самоотреченіе, братство и равенство. Все для народа, все во имя его: и личная жизнь, и личное счастье, и мечты... Народъ, — молчаливый страдалецъ, народъ-герой, повитый вѣнцомъ изъ тернія, встаетъ въ новомъ освѣщеніи.

„Всѣхъ благъ культуры, — по словамъ Н. К. Михайловскаго, — которыя мы (т. е. интеллигенція) при полномъ самоотверженіи можемъ дать народу, не хватитъ на уплату ему процентовъ (по долгу)“.

Для того, чтобы забитый мужикъ душу свою раскрылъ интеллигенціи, необходимы три условія. „Первое, — его уваженіе

надо приобрести, во вторыхъ, быть умѣлымъ въ физическомъ трудѣ, неумѣлость народъ только юродивымъ да блаженнымъ прощаетъ (Михайловскій „Въ перемежку“), и въ третьихъ — подвигомъ“.

„Народничество организовалось на почвѣ нравственныхъ запросовъ“, долгое время не имѣвшихъ выхода.

Влижайшей и практической его задачей было избавить Россію отъ пролетаріата и буржуазіи: оно стремилось „поставить свою жизнь въ согласіи съ тѣмъ, что признавалось въ теоріи, что было однимъ изъ основныхъ требованій мыслящей молодежи до народническаго періода времени“. (С. Степнякъ-Кравчинскій, „Подпольная Россія“).

У.

Одна изъ официальныхъ записокъ (см. сборникъ „За сто лѣтъ“, изд. за границей В. Бурцевымъ) канцелярскимъ стилемъ пытается такимъ образомъ охарактеризовать новое теченіе. По канцелярскому мышленію происхожденіе народническаго теченія очень просто: „въ шестидесятыхъ годахъ русская молодежь проявляла стремленія къ образованію кружковъ и ассоціацій, съ цѣлью взаимнаго денежнаго вспомошествованія, обмѣна мыслей и дополненія путемъ чтенія и бесѣдъ пробѣлы школьнаго ученія“. Ничего преступнаго въ этихъ кружкахъ не было, но вотъ, „подъ вліяніемъ нашей такъ называемой обличительной печати“, стряслась бѣда.

Молодежь все чаще начинала обсуждать вопросы о безвыходномъ положеніи рабочихъ. „При сужденіи объ этомъ предметѣ,—говоритъ та же записка,—указывалось на безграмотность нашей рабочей массы, какъ на одну изъ главнѣйшихъ причинъ ея угнетеннаго положенія, и на необходимость, поэтому, прежде всего позаботиться о поднятіи уровня ея умственнаго и нравственнаго развитія“.

были даже, по мнѣнію составителя записки, совершенно безвредные кружки, но когда они задумали перейти отъ словъ къ дѣлу, эта „безвредность“ уже показалаь правительству „опасной и потрясающей основѣ“.

Правительство увидѣло призракъ революціи...

Этотъ призракъ сталъ особенно страшнымъ, когда въ первой половинѣ 70-хъ годовъ обнаружилось новое явленіе: многіе молодые люди, изъ которыхъ нѣкоторые бросили ученіе, одѣлись въ крестьянскіе костюмы, запаслись фальшивыми видами и въ качествѣ простыхъ чернорабочихъ двинулись, по ихъ выраженію, „въ народъ“.

Подобное движеніе, по словамъ 1-ой же официальной записки, произошло „подъ влияніемъ статей Лаврова“.

Дѣло, однако, происходило при совершенно иномъ освѣщеніи, чѣмъ то, которое старалась придать ему „Записка“.

Лавровъ, дѣйствительно, звалъ общество къ подвигу, къ расплатѣ съ народомъ. Онъ объявлялъ „спеціально русскою цѣлью, которой долженъ сочувствовать всякій русскій, желающій прогресса своему отечеству“, развить нашу общину въ смыслѣ общинной обработки земли и общиннаго пользованія (крестьянство съ его общиннымъ земледѣліемъ объявлялось Лавровымъ той спеціальной почвой, на которой можетъ развиваться будущность большинства русскаго населенія, въ соотвѣтствіи съ задачами времени); сдѣлать изъ „міра“ основной элементъ русскаго общественнаго строя, поглотить въ общинной собственности частную; дать крестьянству то образованіе и пониманіе его общественныхъ потребностей, безъ которыхъ оно никогда не сумѣетъ воспользоваться легальными правами, какъ бы они широки ни были, и никогда не выйдетъ изъ подъ гнета.

Этимъ какъ бы опредѣлялась программа родниковъ. Съ одной стороны, вѣра въ об-

щину, не подлежащая сомнѣнію, какъ въ одинъ изъ коренныхъ устоевъ русской жизни, съ другой—дѣятельная работа словомъ и дѣломъ для укорененія социалистическихъ началъ.

Социализмъ космополитиченъ; социализмъ у народниковъ принялъ чисто-русскую окраску. Перенесенный на русскую почву социализмъ въ семидесятыхъ годахъ объявилъ войну Западу, войну официальной Россіи. Общинное землевладѣніе стало его догматомъ. Путь западно-экономическаго развитія объявлялся для русскихъ необязательнымъ. Заявлялось громко и вѣрилось восторженно, что „мы можемъ пойти своимъ путемъ“. Наши устои—община, „миръ“, артельное начало. Развитіе этихъ устоевъ обезпечить и производительность труда, и самое счастье. Европѣ съ ея пролетариатомъ нечего кичиться предъ Россіей; ея соль—интеллигенція отказывалась отъ правъ и свободы, если только послѣднія нужно купить цѣной пролетариата.

Въ этихъ мечтахъ народниковъ заключалась „дивная красота нашего покаянія“,—покаянія, выдвигавшаго въ жизнь подвигъ самоотреченія.

Если крестьянская община рисовалась въ восторженныхъ мечтахъ семидесятниковъ на подобіе христіанской общины первыхъ вѣковъ, то и они сами—благовѣстники народническаго ученія—рисуются намъ, съ точки зрѣнія исторической перспективы, настоящими апостолами, безтрепетно несшими свое ученіе, свою вѣру и любовь къ народу, отъ края до края, отъ моря до моря необъятной Россіи.

Чась расплаты съ народомъ, возвращенія ему долга со стороны интеллигенціи наступалъ. Выдвигался вопросъ не только о прошломъ долгѣ, но и отвѣтственности за будущее народа.

Усомнившись въ выгодахъ цивилизаціи, которыя „такъ незначительны, а капиталъ крови и труда такъ безмѣрно великъ“, ставили г

бромъ вопросъ: „не ясно-ли, что, отдавши народу всѣ эти выгоды, мы все же не уплатимъ ему процентовъ?“

На вопросъ отвѣтъ былъ уже готовъ.

Не слѣдуетъ смущать народъ „сомнительными и даже ничтожными дарами прогресса и мутить его чистой жизни... Правильнѣе опроститься самимъ, чѣмъ вводить меньшую братію на тотъ путь страданія и жертвъ, который современную Европу привелъ лишь къ сословному государству, экономическому рабству массы, тупому самодовольству сильныхъ“.

Вѣковыя страданія народа, освященные рядомъ жертвъ, заставляли смотрѣть на него, какъ на носителя общечеловѣческой правды и общечеловѣческаго идеала.

На подвигъ за этотъ идеалъ готовая на крестъ, на борьбу, на страданіе и шла русская молодежь, неудержимо рвавшаяся къ дѣлу въ началѣ семидесятыхъ годовъ.

Великій, новый путь открывался предъ ней и вся охваченная порывомъ искренней вѣры, поэзіей молодой мечты она вступала въ народъ, восторженно грезя о счастіи всѣхъ людей, о равенствѣ и братствѣ—новомъ, свѣтломъ царствѣ на землѣ въ мрачномъ царствѣ произвола.

Въ этомъ искреннемъ порывѣ святого увлеченія не было мѣста расчетамъ, личнымъ благамъ, и потому то онъ и былъ святъ. Ничего для себя—все для народа.

Полное отреченіе отъ личной жизни, отъ всѣхъ ея благъ. Даже по отношенію къ принципу политической свободы народники были „настроены скептически“. Они были совершенно согласны, по выраженію Михайловскаго, „довольствоваться въ юридическомъ смыслѣ акридами и дикимъ медомъ и лично претерпѣвать всякія невзгоды“.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ движеніе „въ народъ“ вступило въ свой первый фазисъ.

Въ земледѣльской общинѣ народники видѣли зачатки коммунизма, не меркнувшая идея равенства и братства открывалась предъ ними въ тысячелѣтнихъ страданіяхъ народа.

Прекрасная греза манила, звала и требовала жертвъ. И онѣ не заставили себя ждать. Правительство не сумѣло использовать для блага Россіи самоотверженно-чистый порывъ русской молодежи. Оно вовсе не поняло его.

VI.

Молодежь шла въ нѣдра деревни, работала съ крестьянами, устремлялась на фабрики, въ мастерскія.

Первымъ практическимъ осуществленіемъ идеи народничества явились нѣсколько земледѣльческихъ коммунъ. Молодежь садилась на землю, заводила хозяйство. Это хозяйство должно было быть поставлено образцовымъ образомъ, такъ какъ предполагалось, посредствомъ его введенія, знакомить крестьянъ съ научной обработкой земли. Наемный трудъ отрицался, и рабочія руки принадлежали только участникамъ коммуны. Однако, осуществить эту мысль, не говоря уже о новизнѣ самаго дѣла, въ Россіи было не легко. Бдительность полиціи встрѣчала подозрѣніемъ каждое новшество. Посѣщенія полиціи и частые обыски свидѣтельствовали о томъ, что въ Россіи нѣтъ мѣста для какой-либо личной инициативы.

Тогда уже зарождалась мысль,—мысль первыхъ народниковъ,—отправиться въ Америку и тамъ, на просторѣ американской жизни, начать опыты. Однако, связь съ Россіей въ мечтахъ русскихъ американцевъ не должна была прерываться.

Тамъ, въ Америкѣ, будетъ сборный пунктъ, Россія же останется центромъ пропаганды народническихъ идей.

Къ мужикофильству уже начинается примѣшиваться космополитизмъ истиннаго сог

лизма на почвѣ мирныхъ земледѣльческихъ поселеній. Уже возникали вызванныя этой обстановкой жизни инья, болѣе вѣрныя, средства борьбы за народное благо. Ясно опредѣлилась господствовавшая мысль, что каждый обязанъ трудиться непремѣнно физически, подобно тому, какъ трудится крестьянинъ. Умственный трудъ объявлялся безнравственнымъ, такъ какъ всякій иной заработокъ покоится на эксплуатаціи народа. Пахать землю являлось необходимымъ элементомъ труда для русскаго народника.

Личная собственность отмѣчалась, какъ главное зло существующаго строя. Ее отрицали въ принципѣ и отрицали на практикѣ первые русскіе коммунисты. Въ коммунѣ должно было, по ихъ мнѣнію, царствовать полное равенство и равноправіе членовъ. Мечтали о томъ, что наступитъ такое благословенное время, что весь міръ покроется земледѣльческими коммунами, и благовѣствованіе новаго евангелія социализма зазвучитъ изъ Россіи и пронесется по Америкѣ и Европѣ, обновляя дряхлый міръ.

Одинъ изъ народниковъ сравниваетъ свое тогдашнее состояніе жизни среди крестьянъ состояніемъ влюбленнаго, у котораго чувства въ разлукѣ проявляются еще острѣе.

Среди молодежи организовываются кружки и идетъ дѣятельная пропаганда социализма. Молодежь мечтаетъ о подвигѣ. Въ ея альтруистическихъ мечтахъ уже рисуется ясно, что не правительство, проводящее реакціонную политику, сможетъ облагодѣтельствовать народъ, а русская интеллигенція, о п р о с т и в ш а я с я до народа. Такимъ образомъ, правительство и русская интеллигенція рѣзко размежываются на два лагеря.

Молодежь вѣритъ въ свое дѣло; она рассчитываетъ совершенно правильно, что въ земледѣльческой странѣ, по преимуществу, экономическая жизнь сосредоточилась исключительно на крестьянскомъ сословіи. Къ этому

сословію, обреченному на голодъ и тьму, обремененному налогами, и идетъ русская молодежь, устремляя на мужика всю свою любовь и упованія. Она хочетъ подойти къ народу, и въ первый разъ съ бывшимъ рабомъ заговорить по человѣчески; стремится опроститься до него для того, чтобы только быть понятой имъ.

Но всякія организаціи въ Россіи могли быть только нелегальными. Всякое прекрасное начинаніе, по существу, должно было, прежде всего, быть разрѣшено правительствомъ, которое стерегло и не пускало ничего новаго въ обращеніе.

VII.

Русская молодежь группируется преимущественно за границей, и здѣсь, въ тихихъ кварталахъ Цюриха, кипитъ и горитъ жизнь. Здѣсь молодежь уже дѣлится на два лагеря. Здѣсь дѣйствуетъ интернаціональ; въ немъ идутъ два теченія, враждебныя другъ другу: социаль-демократы и анархизмъ. Первые стремятся овладѣть мѣстами въ парламентѣ для социалистовъ-депутатовъ и вынести борьбу изъ подполья на просторъ парламентской жизни.

Анархисты, отрицая всякую идею государственности, считали, что дѣйствительное равенство можетъ установиться только по свободному соглашенію между людьми, и всякіе государственные реформы и указы не способствуютъ проведенію идеи равенства...

Чистое социаль-демократическое ученіе нашло немного сторонниковъ среди русской молодежи.

При отсутствіи всякой политической свободы и парламентарной жизни, въ Россіи не было почвы для вѣры въ быстрое, спокойное обновленіе государства.

Во главѣ перваго теченія стоялъ извѣстный П. Л. Лавровъ. Во главѣ второго—

менѣе знаменитый отецъ русской революціи, Михаилъ Бакунинъ.

Въ то время, какъ въ лагерѣ Лаврова принимали за идеаль подготовку народной массы къ соціальной революціи, Бакунинъ считалъ единственно вѣрнымъ бунтовской путь.

Единомышленники Лаврова считали первымъ залогомъ успѣха, первой ступенью соціальной революціи—пропаганду социалистическихъ идей въ народѣ.

Бакунинъ же, признавая за фактъ общее недовольство существующимъ строемъ, стремился къ организаціи отдѣльныхъ бунтовъ, которые мало-по-малу и имѣли возможность перейти во всенародное возстаніе. Соціалистическія идеи являлись школой, по теоріи Лаврова; школой Бакунина былъ бунтъ, который воспитывалъ народъ въ желательномъ направленіи и революціонизировалъ его; такимъ образомъ, уже тогда намѣчалось два опредѣленныхъ теченія русскаго народничества, которое вскорѣ же разбилося на два лагеря: лавровцовъ и бакунистовъ. Несомнѣнно, что крупная личность Бакунина и его прежнія страданія, борьба и красочная исторія всей его жизни притягивали сильнѣе воспримчивую молодежь, чѣмъ спокойная, уравновѣшенная программа Лаврова. Оба изгоя русской жизни, оба бѣжавшіе въ Европу отъ тяжелыхъ тисновъ русскаго правительства дѣйствовали на молодежь зажигающе. Но, въ то время, какъ Лавровъ былъ простымъ эмигрантомъ, имя Бакунина окружала легенда. Питомецъ 40-хъ годовъ, другъ Вѣлинскаго, Герцена и Огарева,—онъ прожилъ бурную жизнь. Три раза онъ былъ приговоренъ къ смерти. Въ Дрезденѣ за участіе въ революціи въ 48 году его присудило къ смертной казни саксенское правительство. Австрія потребовала его выдачи и за участіе въ пражскомъ возстаніи обрекла его на смерть. Въ крѣпости Ольмюца Бакунинъ просидѣлъ до тѣхъ поръ, пока не

былъ выданъ Россіи по требованію Николая I. Нѣсколько лѣтъ шлиссельбургской одиночки, ссылка въ Сибирь и оттуда бѣгство чрезъ Японию и Америку въ Европу и снова то же горячее участіе въ различныхъ революціонныхъ попыткахъ. Гонимый отовсюду, онъ жилъ на границѣ Италіи и Швейцаріи, на берегу Люцернского озера, погруженный всецѣло въ подготовленіе итальянской революціи.

„Нашъ долгъ, — говоритъ Бакунинъ, — теперь крѣпко сомкнуться и единодушно готовиться къ дѣлу, поклясться другъ другу не отставать отъ народа, идти съ нимъ, куда силъ станетъ. Времени, быть можетъ, осталось немного, — употребимъ его на сближеніе съ народомъ, во что бы то ни стало, дабы онъ призналъ насъ своими (курсивъ Бакунина) и позволилъ бы намъ спасти хоть нѣсколько жертвъ.“ (Сочиненіе Бакунина т. I). „Сойтись съ народомъ — продолжаетъ Бакунинъ, — слиться съ нимъ во единое тѣло — задача трудная, но для насъ неизбежная и неотвратимая.“

„Путь къ достиженію цѣли одинъ: и скрепность, правда.“

„Народъ нашъ уменъ, онъ скоро узнаетъ своихъ друзей, когда у него будутъ друзья дѣйствительные“.

Формулировать общія правила Бакунинъ отказывается: „Живое дѣло вытекаетъ изъ живого ума и живого сердца. Сердце, умъ, чистая, крѣпкая воля — все народу, все для народа“.

Русская молодежь восторженно отовзалась на призывъ своего вождя.

VIII.

„Хожденіе въ народъ“, ~~нынешнее~~ ~~главное~~ мѣсто въ 1873—74 г.г., не имѣло за собою революціонныхъ слѣдствій. Многіе изъ ходоковъ отправлялись съ вполне мирными цѣлями: „облюбовать мѣстечко“

поселенія, попробовать свои силы и, наконецъ посмотрѣть на этотъ народъ, о которомъ говорятъ такъ много и который отдѣленъ отъ социализма китайской стѣной. Если бы большинству наиболѣе серьезныхъ пропагандистовъ задать вопросъ передъ ихъ отправленіемъ въ народъ, — какъ они смотрятъ на свою будущую дѣятельность и какую форму пропаганды предпочитаютъ, отвѣтъ былъ бы безъ сомнѣнія, такой: „надобно не ходить, а жить въ народѣ“ — такъ охарактеризовано движеніе однимъ изъ его участниковъ въ издававшемся въ Жепевѣ революціонномъ органѣ „Община“.

Подъ видомъ ремесленниковъ, въ качествѣ сельскихъ писарей и учителей, молодежь шла въ деревню и несла мирную проповѣдь истинъ социализма.

Но земледѣльческія колоніи рушились одна за другой. Шпіоны и сыщики открывали и безъ того явную пропаганду. Аресты смѣнялись арестами. Тюрмы были уже переполнены. Правительство выступало на путь беспощадной борьбы, загоня въ остроги „неблагонадежныхъ“, загоня въ подполье открытую дѣятельность.

Борьба съ правительствомъ, на которую вызывало послѣднее, должна была революціонизировать народниковъ. Само движеніе развѣтвилось на два теченія: одно изъ нихъ все еще пламенѣло къ красивой грезѣ; другое, воспринявъ всецѣло идеи западнаго социализма, перешло на путь политической борьбы. Къ вѣрѣ въ свой прежній догматъ-устой народной жизни, къ проповѣди братства и равенства, оно скоро присоединило еще борьбу за политическую свободу, такъ какъ безъ ея существованія въ Россіи невозможно было пробудить самосознаніе въ народныхъ массахъ.

Путь борьбы принялъ новый характеръ. Мирные проповѣдники выступаютъ уже активными борцами. Въ нечаевскомъ про-

цессъ (1872 г.) уже ясно проступаетъ новая тенденція. Нечаевцы въ лицѣ Успенскаго и Прыжова заявили предъ судомъ убѣжденіе молодой Россіи, что „всякій честный, послѣдовательный человѣкъ долженъ работать на пользу народа.“

Убіенство Успенскимъ шпиона выдвинуло уже ясно-революціонный принципъ: „хорошая цѣль оправдываетъ всѣ средства“.

Такимъ образомъ, народничество силою вещей выступало на путь революціи.

Первое его выступленіе въ народъ можно было разсматривать, какъ движеніе политическое. „Оно было скорѣе какимъ-то крестовымъ походомъ, отличаясь вполне заразительнымъ и всепоглощающимъ характеромъ религіозныхъ движеній. Люди стремились не только къ достиженію опредѣленныхъ практическихъ цѣлей, но вмѣстѣ съ тѣмъ къ удовлетворенію глубокой потребности личнаго нравственнаго очищенія“.

Проповѣдь соціальной революціи расширялась проповѣдью о необходимости политическаго переворота. Искра, колеблемая вѣтромъ, раздувалась въ пламя. Самыя условія русской дѣйствительности раздували эту искру.

Проповѣдь соціальной революціи не оправдала возложенныхъ надеждъ. Результаты пропаганды были ничтожны, тѣмъ не менѣе „дѣло о пропагандѣ въ 37 губерніяхъ“ получило въ официальныхъ сферахъ угрожающій существующему порядку характеръ.

На пропагандистовъ устраивались цѣлыя облавы. Хватали праваго и виновнаго и до разбора дѣла гноили въ тюрьмѣ. Весной 1874 г. началась вакханалія обысковъ и арестовъ. Прокуроры и жандармы принялись за спасеніе отечества отъ „угрожающей опасности“.

Создавался рядъ политическихъ процессовъ, „расколовшихъ“ интеллигентную среду. Первый процессъ пропагандистовъ, или „процессъ 50“, происходилъ (въ 1877 г.) публично. Но вмѣсто страшныхъ преступниковъ

русскимъ обществомъ встали во весь ростъ фигуры новыхъ людей—людей, полныхъ вѣры въ свою идею, согласныхъ принять за нее страданія и, подобно первымъ христіанскимъ мученикамъ, не питавшихъ злобы даже къ своимъ палачамъ. Полиція отыскивала иить „крамолы“, и каждый арестъ влекъ за собой десять другихъ.

Кружки и отдѣльныя личности дѣйствовали до сихъ поръ самостоятельно, безъ опредѣленной программы, между тѣмъ какъ ошибки и промахи каждого отдѣльнаго лица отзывались на всѣхъ. „Бродячая система“ дѣйствій предается осужденію. Способъ пропаганды и самая пропаганда предаются суровой критикѣ. Прочно укореняется сознаніе среди самихъ пропагандистовъ, что проповѣдь социалистическихъ идей падаетъ на неводѣланную почву. Ясно уже ощущается необходимость новой тактики и организаціи силъ.

Старый типъ народника и мирнаго пропагандиста смѣняетъ новый—народника-агитатора, революціонера.

IX.

Народничество въ организаціи общества „Народной Воли“ (1876 г.) выступаетъ на иной путь... „Вакунисты“ поднимаютъ знамя „Земли и Воли“. Они въ пропагандѣ видѣли лишь агитаціонное средство, „ла-вристы“ считали ее главнымъ средствомъ.

„Земля и Воля“ *) явилась объединяющей

*) Въ 1863 г. дѣйствовало тайное общество такого же наименованія, выпустившее нѣсколько листовъ „Свобода“ и прокламаціи къ офицерамъ. Объ этомъ обществѣ, съ которымъ связаны имена Б. А. Серно-Соловьевича и А. А. Потемки, известно очень немного. (См. „Материалы для исторіи революціоннаго движенія въ 60-хъ годахъ, выпускъ 1-й). Для неуклонной борьбы съ врагомъ русскаго народа—правительствомъ составилось общество „Земля и Воля“. Общество, по словамъ вышеупомянутаго листка „Свобода“, „Земля и Воля“, усиле соединить въ себѣ членовъ тѣхъ отдѣльныхъ кружковъ,

организацией революционных элементов, выступающих уже не разрозненно, как прежде, а под знаменем одной партии. Она объявила необходимостью работу в народных массах „с целью организовать там такую силу, которая сумела бы в благоприятный момент или сама вызвать всеобщее возстаніе, или же, воспользовавшись самостоятельным возстаніем, дать возможность этому возстанію побѣдить правительство. (См. Е. Серебряковъ. „Очеркъ по исторіи „Земли и Воли“). Общество было раздѣлено на центр (администрація, вѣдавшая всѣ его дѣла и имѣвшая пребываніе въ Петербургѣ) и пять группъ.

Ни одного серьезнаго шага администрація не могла сдѣлать безъ согласія „совѣта“, а въ болѣе важныхъ случаяхъ безъ согласія всѣхъ членовъ общества. Второй группой являлась интеллигентная группа; на ней собственно, и лежали пропаганда, агитация и организация въ средѣ молодежи. Затѣмъ слѣдовала рабочая группа, дѣйствовавшая, подобно интеллигентной группѣ, но въ средѣ рабочихъ. Самой многочисленной группой являлась „деревенщина“, работавшая въ провинціи.

Дезорганизаторская группа имѣла самыя широкія полномочія. Одной изъ ея задачъ было „ослаблять правительственный механизмъ, внося въ него элементы вражды и разложенія. Группа сносилась съ центромъ, сообщая ему лишь въ общихъ чертахъ свои планы, но храня детали въ глубокой тайнѣ. На ней же лежало освобожденіе арестованныхъ товарищей, защита отъ правительственнаго произвола узниковъ и самозащита партии отъ измѣнниковъ.

которые не разъ уже заявляли себя, и вѣсто которыхъ правительстве не разъ преслѣдовало неспричастныхъ къ дѣлу лицъ; о дальнейшей судьбѣ общества въ литературу нѣтъ указаній.

Уставъ общества пересматривался ежегодно. Отдѣльныя секціи пользовались полной автономіей во внутреннихъ дѣлахъ. Обществу хотя и не удалось достигъ полного присоединенія всѣхъ дѣйствующихъ революціонныхъ кружковъ и фракцій, но между ними и обществомъ были установлены тѣсныя федеративныя отношенія.

Организація „Земли и Воли“ была закончена зимой 1876—77 г.г. Весной 1877 г. началось уже первое выступленіе членовъ „общества“ для агитаціонныхъ цѣлей въ народѣ.

Прежніе пропагандисты шли въ народъ въ качествѣ чернорабочихъ,—теперь такое положеніе утратило въ глазахъ землевольцевъ свою силу.

„Положеніе человѣка физическаго труда признавалось по прежнему желательнымъ и цѣлесообразнымъ, но безусловно отрицалось положеніе бездомнаго батрака, ибо оно никакимъ образомъ не могло внушить довѣрія крестьянства, привыкшаго почитать матеріальную личную самостоятельность“. Считаилось настоятельной необходимостью „занять такое положеніе, въ которомъ революціонеру, при полной матеріальной самостоятельности, открывалась бы широкая возможность прійти въ наибольшее соприкосновеніе съ жителями данной мѣстности, входить въ ихъ интересы и пользоваться вліяніемъ на ихъ общественныя дѣла“.

Члены партіи въ агитаціонныхъ цѣляхъ размѣщались группами въ районѣ, занимали мѣста учителей, врачей, писарей, шли въ рабочіе мастерскихъ, открывали лавки, заводили фермы, мельницы и т. п.

Желательнымъ условіемъ считалось, чтобы хотя одинъ изъ членовъ группы было уроженцемъ данной мѣстности.

Переселенцы на первыхъ же порахъ встрѣтили массу препятствій со стороны полиціи и администраціи. Пропаганда при такихъ условіяхъ жизни не могла итти успѣшно. По-

важные аресты тысячей прорывали сплоченные ряды землевольцевъ. Въ концѣ 77 года силы ихъ, казалось, уже были окончательно подорваны.

Дѣйствительность столкнулась съ мечтами; приходилось убѣждаться на дѣлѣ, что деревня не представляетъ еще поля для агитаціонной дѣятельности.

Въ это же время вспыхнуло знаменитое Чигиринское дѣло.

Это—единственное въ своемъ родѣ дѣло, гдѣ революціонная организація дѣйствовала не путемъ агитаціи, а на основаніи подложныхъ грамотъ, отъ имени царя призывая населеніе къ возстанію. Эта система была тогда же осуждена партіей. Она была признана противорѣчащей въ корнѣ идеѣ „Земли и Воли“.

Болѣе успѣшно велась пропаганда въ городахъ среди рабочаго населенія. Въ Петербургѣ уже составилось ядро рабочей организаціи.

Здѣсь происходила оживленная агитація въ многочисленныхъ рабочихъ кружкахъ. Организовано было нѣсколько успѣшныхъ стачекъ, руководителями которыхъ явились „землевольцы“.

Еще больше успѣха имѣла агитаціонная дѣятельность между молодежью.

Въ 1877 году уставъ „Земли и Воли“ былъ подвергнутъ новому пересмотру. Общество уже располагало своей типографіей, и теперь возникла мысль объ изданіи своего органа.

Программа партіи до сихъ поръ не была отпечатана; среди членовъ партіи до сихъ поръ не были уяснены даже начала партійной программы. Вслѣдствіе этого среди народовольческой организаціи уживался самый крайній экономическій радикализмъ, съ самымъ неспособнымъ политическимъ космополитизмомъ. Такимъ образомъ, происходила масса несогласій, въ особенности по поводу практическихъ вопросовъ.

Характерно, что до сихъ поръ партія не приобрѣла значенія, какъ политическая организація, и сознательно упустила изъ программы политическіе вопросы.

Въ опубликованномъ взглядѣ (№ 1 „Земли и Воли“) на задачи русской революціонной партіи говорилось, что программа выдвигаетъ на первый планъ вопросъ аграрный.

Вопросъ фабричный оставляется почти въ тѣни, потому что „исторія, поставившая на первый планъ въ Западной Европѣ вопросъ фабричный, у насъ его не выдвинула вовсе, замѣнивъ его вопросомъ аграрнымъ“.

„Революціонное движеніе, поднявшееся во имя земли, на другой же день роковымъ образомъ само приведетъ къ признанію необходимости и экспроприаціи фабрикъ, и полного уничтоженія всякаго капиталистическаго производства, потому что, сохранивъ его, оно само вырыло бы себѣ могилу“.

Предоставляя „будущее будущему“, партія въ то время рѣшала одну громадную задачу: осуществленіе народной революціи, которая одна въ состояніи развить будущій социалистическій строй изъ тѣхъ элементарныхъ основъ социализма, которыя уже созданы въ умахъ народа.

Характерно, что во время собранія партіи въ 1877 г. для пересмотра устава Валерьяномъ Осинскимъ было уже внесено предложеніе включить политическій элементъ въ программу партіи.

Предложеніе не только не было встрѣчено сочувственно, но вызвало рѣзкій протестъ. Оно было отвергнуто громаднымъ большинствомъ.

Однако, борьба правительства и партіей уже съ 78 года заставляетъ ее волей-неволей признать необходимость политическаго элемента.

X.

Процессъ 193-хъ пропагандистовъ выяснилъ мрачную картину русскихъ правопорядковъ. Передъ глазами русскаго общества, лишеннаго гласности и почти ничего не знавшаго объ арестахъ и обыскахъ, вырисовались во весь ростъ тѣ пытки и нравственныя мученія, къ которымъ прибѣгало правительство по отношенію къ политическимъ на слѣдствіяхъ и въ тюрьмахъ.

Изъ 193 пропагандистовъ только 36 чело-вѣкъ были признаны судомъ присяжныхъ виновными; и изъ нихъ лишь 20 были присуждены къ высшей мѣрѣ наказанія—къ ссылкѣ на поселеніе. Всѣ же остальные судомъ были оправданы. Однако, всѣ 193 въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ и годовъ (отъ 3 до 4) провели въ душныхъ казематахъ, ожидая въ тюрьмахъ своего оправданія.

Процессъ 193 выяснилъ русскому обществу дѣйствительное отношеніе правительства къ мыслящимъ иначе, чѣмъ дозволено официальной указкой.

Процессъ протекалъ гласно; тѣмъ не менѣе, адвокатура была стѣснена въ своей защитѣ, подсудимые раздѣлены на 17 группъ, хотя къ нимъ и было предъявлено общее обвиненіе: въ составленіи незаконнаго сообщества.

Подобное отношеніе создало невиданную еще русской жизнью картину: (подсудимые, одинъ за другимъ, на вопросъ суда о своей виновности, отвѣчаютъ: „не признаю суда, не желаю въ немъ участвовать и прошу меня вывести“. Были моменты въ процессѣ, когда подсудимые обращались въ прокурора, а судьи—въ подсудимыхъ.

Мышкинъ въ своемъ послѣднемъ словѣ бросилъ рѣзкое обвиненіе суду, назвавъ правосудіе русскихъ судовъ болѣе позорнымъ, чѣмъ домъ терпимости.

Какъ бы то ни было, процессъ закончился оправданіемъ большинства подсудимыхъ. П.

пзволь, однако, не остановилъ своего раз-
маха: 80 человекъ изъ оправданныхъ судомъ
отправляются въ ссылку. Эта ссылка послѣ-
довала въ административномъ порядкѣ. Почти
одновременно съ этимъ, — новое дѣло: Вѣра За-
суличъ стрѣляетъ въ Трепова, протестуя про-
тивъ произвола администраціи.

Боголюбовъ, одинъ изъ участниковъ Казан-
ской демонстраціи, былъ посаженъ въ домъ
предварительнаго заключенія. При посѣщеніи
тюрьмы Треповымъ, Боголюбовъ не снялъ
предъ всесильнымъ генераломъ шапки. Тре-
повъ сбиль шапку съ головы Боголюбова и
отдалъ приказъ высѣчь арестованнаго роз-
гами.

Треповъ не былъ привлеченъ вовсе къ
отвѣтственности, и его возмутительное само-
управство не было даже замѣчено.

Вѣра Засуличъ своимъ выстрѣломъ обра-
щаетъ на него вниманіе общества и предается
суду присяжныхъ.

Разборъ дѣла закончился единственнымъ
торжествомъ правосудія. Присяжные оправ-
дали Засуличъ. Защитникъ ея, Александровъ,
сказалъ блестящую рѣчь. Собравшаяся публи-
ка привѣтствовала защитника аплодисмен-
тами; тѣмъ не менѣе, разсудку вопреки, на-
перекоръ стихіямъ, оправданную судомъ
ищутъ жандармы, чтобы засадить снова въ
тюрьму. Ее отбиваетъ толпа, и только случай
дастъ ей возможность скрыться. Все это не
могло не дѣйствовать на чуткую молодежь.

Студенческія волненія происходятъ въ Харь-
ковѣ, Петербургѣ и Кіевѣ, происходитъ рядъ
избіеній учащейся молодежи, рядъ арестовъ.
Организуется спеціальныи судъ для по-
литическихъ, въ законъ возводится админи-
стративная ссылка.

Правительство ссылается на терроръ со
стороны революціонеровъ, хотя въ этомъ тер-
рорѣ были совершенно неповинны земле-
вельцы. Эти мирные пропагандисты и агита-
торы соціальной революціи, какъ мы уже ви-

дѣли раньше, устранили даже изъ программы своей партіи всякій элементъ политики.

Терроръ со стороны правительства вызываетъ неизбежно самозащиту со стороны революціонеровъ.

Повальные обыски и аресты безъ разбора, тюрьма за каждую нелегальную книжку, за высказанное сочувственное слово,—все это вмѣстѣ создаетъ воинственное настроеніе въ революціонной средѣ.

Обыски и аресты, до сихъ поръ не встрѣчавшіе никакого сопротивленія со стороны пропагандистовъ, шедшихъ до сихъ поръ съ покорностью христіанскихъ мучениковъ на жестокую расправу, въ 78 году уже встрѣчаютъ вооруженное сопротивленіе. Такъ было при арестѣ Ковальскаго и его четырехъ товарищей въ Одессѣ.

„Земля и Воля“, какъ партія, не принимаетъ въ террористическихъ актахъ никакого участія. Дезорганизаторская группа, какъ мы раньше уже говорили, дѣйствовала почти вполне самостоятельно, не посвящая администрацію „Земли и Воли“ въ детали своихъ плановъ. Официальныя заявленія приписывали эти попытки исполнительному комитету „Земли и Воли“, хотя такового никогда не существовало, какъ отдѣльной организаціи.

Такимъ образомъ, какъ на смѣну идеалистовъ-пропагандистовъ явился типъ революціонера-агитатора, такъ теперь является новый типъ революціонера-заговорщика.

XI.

Было бы ошибочно утверждать, что сторонниковъ политической борьбы и террора являлось большинство изъ партіи „Народной Воли“. Наоборотъ, органъ партіи „Земля и Воля“ заявляетъ, что главная масса революціонныхъ силъ должна работать въ средѣ народа.

„Террористы — это не болѣе, какъ охранительный отрядъ, назначеніе котораго — обе-

регать этихъ работниковъ отъ предательскихъ ударовъ враговъ. Обратитъ всё наши силы на борьбу съ правительственной властью—значило бы оставить свою прямую, постоянную цѣль, чтобы погнаться за случайной, временной...

„Такое направленіе нашей дѣятельности было бы великой ошибкой еще съ другой стороны, со стороны тактики партіи“,—продолжаетъ тотъ же органъ.

„Паденіе нашего современнаго политическаго строя не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать это. Вопросъ только о днѣ и часѣ, когда это совершится. Самодержавіе, поражаемое со всѣхъ сторонъ, падеть, уступивъ мѣсто болѣе современному конституціонному строю, который, какъ всякая конституція, выдвинетъ на первый планъ привилегированныя сословія: помѣщиковъ, купцовъ, фабрикантовъ—всѣхъ владѣтелей капитала движимаго и недвижимаго, однимъ словомъ, буржуазію въ экономическомъ смыслѣ слова. Въ настоящее время они разрознены и потому безсильны. Конституціонная же свобода, какъ бы жалка она ни была, имѣто, во всякомъ случаѣ, дастъ возможность организовать въ сильную партію, первымъ дѣломъ которой будетъ провозглашеніе крестоваго похода противъ насъ—соціалистовъ, какъ своихъ опаснѣйшихъ враговъ...

„Направивъ всё свои силы на борьбу съ правительствомъ, мы, конечно, сильно ускоримъ его паденіе. Но тогда, не имѣя никакихъ корней въ народѣ, мы будемъ не въ состояніи воспользоваться своей побѣдой. Это будетъ побѣда Пирра, сказавшаго послѣ битвы при Гераклеѣ: „Еще одна такая побѣда—и я безъ войска поплыву въ Эпиръ“. Цѣною кровавой борьбы и, несомнѣнно, тяжкихъ жертвъ мы ничего не приобрѣтемъ для своего дѣла. Разбитый, но никѣмъ не преслѣдуемый агъ будетъ имѣть все нужное ему время,

чтобы укрѣпиться на новой позиціи, и намъ снова придется брать ее открытымъ нападеніемъ подъ его усиленнымъ огнемъ, преодолевая всѣ воздвигнутыя имъ препятствія“.

Въ партіи уже ясно обозначаются два теченія. Старые народники отстаиваютъ свою программу, даже вынужденные подъ напоромъ дѣйствительности бѣжать изъ деревни и то-скливо смотрѣть на разрушеніе всего дѣла. Они все еще вѣрятъ въ возможность мирной проповѣди, хотя дѣйствительность съ каждымъ днемъ говоритъ за то, что такая работа невозможна. Правительство усиливаетъ „мѣры строгости“, доводя ихъ до крайняго предѣла безчеловѣчности.

Охранительный отрядъ „Земли и Воли“ отвѣчаетъ на месть местию. Въ Одессѣ падаетъ Стрѣльниковъ, въ Петербургѣ—Дренгельнъ. Соловьевъ уже замышляетъ покушеніе на Александра II.

Планъ Соловьева былъ въ большомъ совѣтѣ партіи принятъ далеко не сочувственно. Террористы и здѣсь не встрѣтили поддержки. Соловьевъ дѣйствовалъ за свой страхъ и рискъ.

Послѣ 2-го апрѣля начинается рядъ кровавыхъ расправъ. Россія объявляется на осадномъ положеніи. На эшафотъ всходятъ одинъ за другимъ Дубровинъ, Врантнеръ, Антоновъ, Осинскій, Соловьевъ, Билъчинскій, Федоровъ, Чубировъ, Лизогубъ, Виттенбергъ, Давиденко, Логовенко. Всѣ они гибнутъ въ теченіе короткаго періода времени, въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ. На каторгу отправляются все новые и новые отряды.

На Липецкомъ съѣздѣ дезорганизаторской группы была подвергнута обсужденію новая программа дѣйствій партіи. Эта программа должна была быть представлена Воронежскому съѣзду „Земли и Воли“, который происходилъ вслѣдъ за Липецкимъ. Въ Липецкѣ собрались не только землевольцы, но и всѣ лица, сочувствующія измѣненію программы „Земл-

и Воли“ въ смыслѣ необходимости выдвинуть политическіе элементы и вступить партіи на путь централизаціи и активной борьбы. Воронежцы ничего не знали о Липецкомъ съѣздѣ, и, когда въ Воронежѣ на засѣданіи былъ предложенъ вопросъ о необходимости террора и связаннаго съ нимъ царубійства, было ясно, что программа Липецкаго съѣзда при господствующемъ контингентѣ землевольцевъ не можетъ быть принята полностью; необходимость уступокъ чувствовалась. Главнымъ образомъ, Воронежскій съѣздъ выставялъ деревенскую дѣятельность, отводя террористической дѣятельности лишь второстепенное охранительное мѣсто.

Въ партіи уже чувствовался расколъ. Лица, принявшія программу Липецкаго съѣзда, и сторонники старой программы „Земли и Воли“ составляли, въ сущности двѣ партіи. На такія двѣ партіи вскорѣ и разбилась „Земля и Воля“.

Сторонники программы Липецкаго съѣзда организовали новую партію „Народной Воли“. „Черный Передѣлъ“ собралъ вокругъ себя кадръ старыхъ народниковъ, вѣрныхъ завѣтамъ Лаврова и распавшейся „Земли и Воли“. Если она не сохранила за собой стараго названія, такъ это произошло по той простой причинѣ, что, по соглашенію между обѣими новыми партіями, состоявшемся черезъ мѣсяцъ послѣ Воронежскаго съѣзда, общество „Земли и Воли“ должно было прекратить свое существованіе. Средства упраздненной партіи были раздѣлены поровну между двумя новыми партіями, которыя теперь и приступили къ дѣятельности. Ни одна партія, по тому же обоюдному соглашенію, не могла присваивать себѣ стараго названія.

„Народовольцы“ и „чернопредѣльцы“ выступаютъ на сцену русской жизни.

3 2044 048 075 303

The borrower must return this item on or before the last date stamped below. If another user places a recall for this item, the borrower will be notified of the need for an earlier return.

Non-receipt of overdue notices does not exempt the borrower from overdue fines.

Harvard College Widener Library
Cambridge, MA 02138 617-495-2413

WIDENER
WIDENER
AUG 26 2005
AUG 10 2005
CANCELLED
BOOK DUE

WIDENER
WIDENER
FEB 10 2006
APR 27 2006
BOOK DUE
CANCELLED

Please handle with care
Thank you for
library collection

3 2044 048 075 303

The borrower must return this item on or before the last date stamped below. If another user places a recall for this item, the borrower will be notified of the need for an earlier return.

Non-receipt of overdue notices does not exempt the borrower from overdue fines.

Harvard College Widener Library
Cambridge, MA 02138 617-495-2413

WIDENER
WIDENER
AUG 7 6 2005
AUG 10 2005
CANCELLED
BOOK DUE

WIDENER
WIDENER
FEB 10 2006
APR 27 2006
BOOK DUE
CANCELLED

Please handle with care
Thank you for
library collec

